

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

На Дону перед окончанием основной казачьей истории в 1920 году существовало несколько сотен станиц и тысячи больших и малых хуторов. Каждый такой населённый пункт представлял из себя яркий и самобытный мир, в котором отражались все без исключения явления той мало менявшейся из года в год общественной жизни. В казачьей общине свято чтит традиции своих дедов и отцов и старались отдать должное лучшим представителям военно-служивого сословия. Но так же, как и везде по всей России, совершенно разные люди жили в казачьих селениях. Не зря в народе бытовала такая поговорка: «В семье не без урода, в любом хуторе не без дурака». Грубовато, конечно, звучало, но зато соответствовало жизненным представлениям того времени.

О том, как в придонских хуторах начала прошлого, двадцатого, века относились к людям, про которых и складывались подобные поговорки, рассказывается в литературных зарисовках нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение. Начало — в №№ 31, 35, 37, 40, 45, 47, 49 за 2023 г., № 1 за 2024 г.).

Едва солнце поднималось над хутором Швечиковым станицы Гундоровской Области войска Донского, как всё пространство у реки Северский Донец заполнялось мычаниями и блеющими звуками, исходившими от крупного и мелкого домашнего скота, прогоняемого на степные выпасы.

Дед Лукьян, хуторской пастух, мастер своего нехитрого, но очень важного в сельской жизни дела, иногородний, прибывший в казачьи края в незапамятные времена, встречал порученное ему стадо, и, словно большой воинский начальник, пропускал перед собой парадный строй подчинённых, подмечает любое отступление от заведённого порядка, так и он стоял на взгорке, осматривая всё вокруг строгим и внимательным взглядом. А что? Тоже парад, два раза на день — утром и вечером.

В подпасках у деда Лукьяна ходил, а больше всего бегал, юноша по имени Кирюша. Он тоже приветствовал всех проходивших мимо него обитателей хутора, а также осматривал прогоняемую перед ним скотину, однако выражал свои радость или недоумение то мало понятной бессвязной речью, то звуками, больше похожими на мычание. Но он не подражал своим рогатым подопечным и не передразнивал их. Он просто не мог по-другому выражать свои чувства.

Почти в каждом казачьем селении любого вида проживали такие люди, которых Бог обделил умом и пустил на белый свет совсем увечными созданиями. Семьям, в которых появлялись такие

Казачий курень у реки.

несчастные, обязательно сочувствовали. Ярмарочный сын или дочь, говорили в таких случаях и при этом иногда беззлобно подсмеивались. Но когда кто-то переходил допустимую грань и начинал уже издеваться над подобным уроженцем родного края, то такого обязательно осуждали в своём кругу. А что сдерживает на хуторе от необдуманных поступков? По большому счёту всего две вещи: страх перед Божьей карой да не меньший страх перед осуждением соседей. И порой по поведению хуторян и не сразу можно было определить, какой из этих страхов сильнее.

Был такой вот мальчонка с именем Кирилл в хуторе Швечикове, но чаще его называли Кирюшкой. С ярко-рыжей головой, с заплетавшимися частенько ногами, с вечной улыбкой и глазами, блуждающими выше крон деревьев.

Иногда он начинал кивать головой вверх и вниз, будто рабочая лошадь, которая не давала запрячь себя в повозку. Со стороны же казалось, что он соглашается со всем,

что бы ни сказали окружающие. Но, главное, с чем он мог действительно согласиться, так это с тем, что не удалась его жизнь с самого начала.

У Кирюшки была мать с очень певучим именем Мелания. Петь только особо было не с чего. Жила она со своим сыном-подпаском в старом маленьком куреньке неподалёку от Донца. Молодая ещё женщина, но всегда донашивающая старую-престарую одежду, доставшуюся ей от дальней родственницы, которая как раз и приютила её в самый трудный год жизни.

Мелания была уроженкой станицы Гундоровской и появилась в хуторе не просто так. Случилось дело молодое, когда её девичья любовь, словно пожар в степи, гонимый ураганным жарким ветром, принесла ей только горькие несчастья. Казак, её возлюбленный, ушёл на действительную военную службу, а ей-то куда было уходить от такого позора, что понесла ребёнка безо всякого родительского благословения, венчания и свадьбы?

Не мог достойный гундоровский казак, герой русско-турецкой войны Федот Дробышев вытерпеть всего этого. Но и не стал шуметь на всю улицу, а тем более бить свою некогда очень любимую дочь, а просто молча растворил калитку и показал в сторону Северского Донца. Что это означало? То ли показывал, куда надо идти топиться, то ли просто таким образом тихо освобождался от позора, который на несколько поколений лёг на эту семью. Матушка догнала свою отверженную дочь и успела сунуть ей в руки небольшой узелок с вещичками и харчами.

С этим узелком и пришла Мелания в тот далёкий вечер в хутор Швечиков и глухими проулками добралась до домика бабки Гапки. Степень родства с ней была совсем как по грубой казачьей поговорке: «Ваш плетень горел, а наш кобель возле него шкуру грел...». Жила Агрипина подпольным винокурением, знатную дымку гнала и продавала всем желающим, а зимой сдавала по таксе в один полтинник за вечер свой тём-

плый курёнок для посиделок хуторской молодёжи.

Молва о том, кто поселился у бабки Гапки, мгновенно разнеслась по хуторским улицам. Однако, вечеринки не прекратились, а Мелания, перед тем как собирались молодые казаки и казачки, без единого слова уходила в холодный амбар и роняла замерзающие слёзы на подол юбки, вспоминая при этом всё то, что про этот самый подол говорили её отец и мать, выпроваживая за порог родного дома.

По ранней весне к рожнице была приглашена бабка-повитуха Агафья, которая умело справилась со своим привычным делом. Вот тогда-то и появился на Божий свет мальчик, названный по святым Кириллом. Вопреки всем опасениям, родился он крепким, с редкими рыженькими волосиками, что вергло Агафью в неопишное удивление: она-то знала, что рыжих на сотню всего один-два через её руки проходило. Страшились в казачьем кругу рыжих волос, считая их предвестником неминуемой беды. Суеверия суевериями, а рос мальчонка сначала, как все, и не сразу стали замечать, что слишком часто закатывал он свои карие глазёнки, выгибался в колыбельке то в одну сторону, то в другую, будто по несколько раз на день били его памороки, и вместо привычных звуков детского лепета из старой обшарпанной колыбельки, принесённой из жалости соседями, доносилось только бессвязное мычание.

Мелания принялась сначала беспрестанно плакать и в своих причитаниях вспоминать про Божью кару, которая обрушилась на её голову. Не зря же в народе говорят, что все мы несём на себе грехи своих предков.